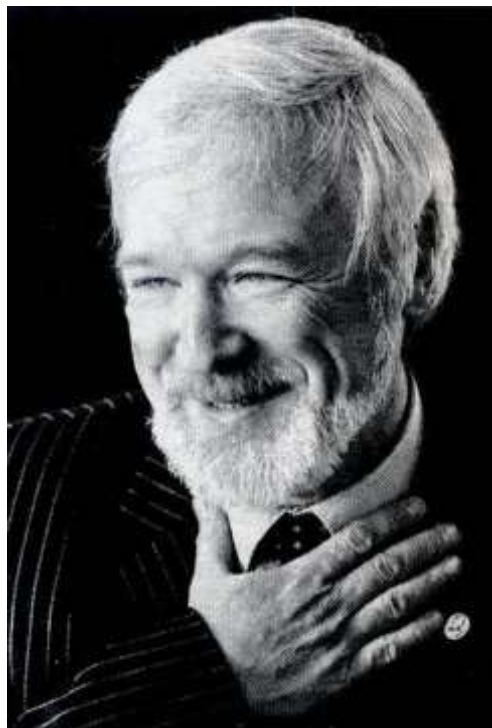

ВЛАСТЬ НАД УДАЧЕЙ

Знаменитый археолог, имя которого, наверное, известно всем мальчишкам и девчонкам, бредящим древностями (в Сибири, по крайней мере — совершенно точно), академик Вячеслав Иванович Молодин встречает свое 60-летие.

В эти дни в самом сердце Барабы, на привольных берегах Тартаса, под брезентовым кровом соберутся его друзья, с которыми пройдено несчетное количество полевых маршрутов, соратники по многолетним исследованиям, ученики и ученики учеников, все, кто любит этого удивительно обаятельного, душевного, деликатного и отзывчивого человека. Редакции «НВС» удалось перехватить нашего героя перед самым отъездом в поле.

О его феноменальной удачливости ходит множество легенд, и за каждой — реальный факт. Как, скажите на милость, найти под дерном железный меч, по неведомой причине пролежавший посреди бескрайней степи тысячу лет? Или заложить на глазок стандартный шурф два на два, получив из него превосходный материал (а из последующего стометрового раскопа — ничего)? Или открыть огромный могильник, никак не выделяющийся на поверхности? Власть над удачей - неперемнное качество большого археолога. Им в полной мере обладал великий Алексей Павлович Окладников,

основатель сибирской археологической школы, учитель Молодина. Таков же и его старший товарищ, и директор, академик Анатолий Пантелеевич Деревянко. Что говорить, Фортуна - великая помощница. Но есть и другое: многолетняя кропотливая, порой даже изнурительная, но всё равно увлекательная и любимая работа. На самом деле, никакой мистики в археологии нет — есть знания, труд и талант.

От истоков

— **Вячеслав Иванович, для начала: «откуда пошла есть» в человеке тяга к археологии. стремление заниматься наукой о древностях?**

— Дело, конечно, уже давнее. Но, насколько помню, не археология в молодости была главным увлечением. Очень хотел я быть морским летчиком. Но в 9 классе пошел в аэроклуб на медкомиссию, а мне и говорят: «Парень, у тебя левый глаз уже слабоват». Ясно, на авиации — крест. Переживал долго. Но потом свое дело сделали хорошие популярные книги. Керам, конечно, прежде всего — «Боги, гробницы, ученые», очень интересные очерки Г. Федорова в журнале «Наука и жизнь». Наверное, именно чтение разбудило первый интерес к археологии.

А потом, когда я уже учился в 10 классе, мне повезло послушать лекцию Алексея Павловича Окладникова в Географическом обществе. Как сейчас помню, на этой лекции он был вместе с выдающимся геологом Сергеем Леонидовичем Троицким и рассказывал о работах в Монголии, очень интересно и ярко. Окладников меня потряс. Он представлялся мне настоящим землепроходцем, каким и был в жизни. И тогда уже я заинтересовался всерьез. До этого же представления были, что археология — это в основном античность, египетские пирамиды... А что такое сибирская археология, и есть ли она здесь вообще, я узнал впервые из этой лекции. Ясно было, что если в Новосибирске работает такой выдающийся человек и есть университет, то можно уже здесь на археолога учиться.

Я был в последнем потоке, кто заканчивал 11 классов. Отправился поступать в НГУ, но не прошел по конкурсу. До сих пор помню оценки: «четверка» по сочинению, «пятерка» по истории СССР и «тройка» по новой и новейшей истории. Я, конечно, был очень разочарован, поскольку считал, что знаю больше, чем на «тройку». Порядок в те годы был такой: те, кто набирал недостаточное количество баллов, должны были сдавать еще несколько экзаменов, включая математику.

Было несколько вариантов дальнейшей судьбы. Во-первых, можно было просто пойти в Советскую Армию — в то время это нас отнюдь не пугало. Отец мне предложил пойти по его стопам — в пограничное училище в Москву. Но, поскольку я уже неплохо знал эту жизнь, мотаясь с родителями по пограничным отрядам, заставам и комендатурам, меня это как-то не очень влекло. И тут случилось неожиданное стечение обстоятельств. Мой двоюродный брат Леня Горбачев, закончивший к тому времени Новосибирский пединститут, рассказал, что есть в институте такая Татьяна

Николаевна Троицкая, замечательный человек, археолог. Студенты с ней всё время ездят в экспедиции. Привел в пример Володю Дремова, будущего известного антрополога, который работает в Томске. Я и подумал: «А почему бы и нет?»

В пединституте мне повезло больше — поступил сразу. Встретил там знакомых ребят, с которыми сдавал экзамены в НГУ, вместе со многими из них потом учились. И здесь мне повезло. У Татьяны Николаевны было много студентов. Но я-то себя видел только археологом, и она это понимала. Я начал серьезно заниматься, и у меня стало получаться — с удовольствием работал с материалом, помогал ей делать отчеты. Но решающим стало первое поле. Мальчиком я был достаточно домашним, походы особенно не любил, и мне для самого себя было интересно — моё это или нет?

Впервые с Татьяной Николаевной мы поехали в экспедицию после первого курса, в мае (я сдал досрочно сессию), в окрестности села Чингисы в Ордынском районе. Провели хорошие сборы на разрушенном Новосибирском водохранилище памятнике эпохи бронзы, а потом копали курган на могильнике тюркского времени. Очень хороший был курган — неграбленное погребение с конём... И там я понял, что это занятие мне очень нравится.

Дальше — больше. В то время в Новосибирском пединституте на историческом факультете был очень хороший преподавательский состав. Хорошая база была нашими учителями в нас заложена, я считаю. И, конечно, Татьяна Николаевна вложила в меня очень много. Она просто со мной возилась. Было и ежегодное участие в студенческих конференциях — и в Новосибирске, и в Москве, и в других городах Сибири, и участие во «взрослых» уже конференциях, и соответствующий круг общения... На 3-м курсе я уже получил открытый лист на право поведения самостоятельных разведок, на 4-м — на самостоятельные раскопки, на 5-м уже студентов на археологическую практику вывозил.

Защищал я два диплома: инициативный по археологии и обязательный по педагогике. Получил диплом с отличием и распределился в село Елбань Маслянинского района. Место я выбрал сам. В аспирантуру после пединститута можно было идти только в педагогическую очную. А по археологии в заочную поступать разрешили, но всё-таки нужно было отработать в школе — таков был строгий порядок. В аспирантуру к Алексею Павловичу я поступил и поехал в деревню. Деревню выбирал с таким умыслом, чтобы была библиотека, где можно было бы готовиться к кандидатским экзаменам, с условием, чтобы работать чистым историком, потому что нас тогда распределяли в основном заместителями директоров. Приезжаю в Маслянино в районо, а мне говорят, что хотят меня поставить в эту школу замом. Я отбивался долго, но потом с заведующим районо сошлись на том, что он меня на сентябрь в экспедицию отпускает, а за это я соглашаюсь быть замдиректора. Конечно, это значительно меняло мои планы, поскольку

учитель истории — это одно, а замдиректора школы — совсем другое. Но, тем не менее, начал работать.

А через полтора года Алесей Павлович меня забрал. Как ему удалось договориться с могущественным облоно, я не знаю. Но, тем не менее, он меня забрал — сначала в очную аспирантуру, а потом, буквально месяца через три — в штат института. Сбылась моя мечта, и с тех пор я занимался уже исключительно археологией.

От палеолита — до позднего средневековья

— Созданный академиком Окладниковым Институт истории. Филологии и философии с самых первых лет начал археологические исследования с широчайшим территориальным охватом. Во многих местах удалось поработать в те годы?

— Конечно. Были совершенно новые задачи. Одно дело — разработка собственной научной темы. Но Алексей Павлович давал совершенно неожиданные поручения, по-видимому, руководствуясь принципом «чтобы научить плавать, надо бросить в воду». Приходилось эти проблемы решать.

Одной из первых возникла задача по раскопкам Казымского острога. Я никогда ранее не имел опыта работы с русскими памятниками — пришлось тщательно готовиться, изучать обширный круг литературы, самому что-то новое для себя открывать. Потом был Илимский острог. Это были поручения директора, которые надо было выполнять. Плюс активная работа в отделе и в секторе.

Дальше всё пошло в обычном ритме: защита кандидатской диссертации по энеолиту и бронзе лесостепного Обь-Иртышья, потом Алексей Павлович достаточно быстро определил тему докторской, и я стал интенсивно над ней работать. Конечно, приходилось по шесть-семь месяцев проводить в поле. Но это для меня всегда было, что называется, в охотку—я поле любил и люблю. Поэтому достаточно быстро, за восемь лет, удалось реализовать этот проект — «Бараба в древности». Защитился уже после ухода от нас Алексея Павловича. Потом на посту директора стал работать Анатолий Пантелеевич Деревянко. Здесь были и новые задачи, и новые обязанности — я был назначен сначала заведующим отделом, а потом и замдиректора, в каком статусе я по сей день и работаю, уже в обособившемся Институте археологии и этнографии.

— Вячеслав Иванович, вам довелось заниматься совершенно разными темами. Бараба, которая до Вас была белым пятном на археологической карте, памятники русских первопоселенцев Сибири, пазырыкская культура скифского времени... У Вас есть какие-то предпочтения в археологии, или Вы идете по стопам своего учителя Алексея Павловича Окладникова, который абсолютно искренне любил все края и все эпохи.

— То ли это оттого, что научный руководитель — это как отец родной, наверное, какие-то флюиды передались. Мне равно интересны памятники

любых эпох, и я с удовольствием на них работаю. В свое время, когда Алексей Павлович определил мне тему докторской диссертации «Бараба в древности», речь шла о том, чтобы разработать концепцию историко-культурного развития региона от палеолита до позднего средневековья, практически до этнографии. Когда Анатолий Пантелеевич Деревянко об этом узнал, то сказал, что, с его точки зрения, тактически тема определена неверно, потому что работа предстоит огромная, и времени на нее потребуется значительно больше, чем на более узкий хронологический период. Но стратегически, заметил он, задача поставлена абсолютно правильно. И оказался прав, потому что эта работа позволила мне максимально развить свой кругозор. Надо было глубоко изучить археологию Сибири (и не только Сибири) от палеолита до позднего средневековья, и это, безусловно, способствовало интеллектуальному росту.

А потом, конечно же, не прекращались работы на самых разных памятниках. Было Шестаково - достаточно сложный палеолитический памятник в Кемеровской области, где я работал по заданию Алексея Павловича. Была Айдашинская пещера недалеко от Ачинска - очень своеобразный объект, тоже его поручение. Была Денисова пещера на Алтае — поручение дирекции института уже при Анатолии Пантелеевиче Деревянко. Там надо было грамотно раскопать голоценовые слои, прежде чем мои коллеги начнут работать над плейстоценом. Надо сказать, это был самый сложный памятник из всех, с которыми мне приходилось иметь дело.

Была и Минусинская котловина, где довелось работать с выдающимся археологом Михаилом Петровичем Грязновым, в ту пору руководителем Средне-Енисейской экспедиции. Несколько лет я был у него заместителем от нашего института и работал на новостройках-мы копали тагарские курганы раннего железного века. Конечно, забываемы и поездки с Алексеем Павловичем в Монголию, и работы с ним в Восточной Сибири. От него же — любовь к памятникам первобытного искусства. Так что были разные памятники, разные эпохи, разные территории... Я считаю, что это очень полезно. Есть узкие специалисты, которые прекрасно, до каждого черепка, знают какую-то «свою» эпоху, есть люди, работающие широко. Мне более импонирует второй подход. Не знаю, правильно это или нет, но так сложилась моя жизнь.

Эстафетная палочка

— Вячеслав Иванович, я прекрасно помню спецкурс «Археология Западной Сибири», который Вы нам читали в 1978 году. Там были все эпохи: от Улалинки — раннего палеолита на Алтае, до ярсалинского этапа позднего средневековья в низовьях Оби. И, положа руку на сердце, скажу, что это был, наверное, самый лучший спецкурс из всех, прослушанных за пять лет учебы в университете — очень насыщенный фактологически и методически отточенный. И, знаете, жаль, что студенты следующих поколений не имели такой возможности. Не предполагаете вернуться к активной преподавательской деятельности?

— Одиннадцать лет на должности сначала заместителя, потом первого заместителя председателя Сибирского отделения сделали свое дело. Первые пять лет я еще пытался совмещать эту работу с преподаванием, более того, даже заведовал кафедрой археологии НГУ, но потом был вынужден от этого отказаться, и Анатолий Пантелеевич пошел мне навстречу. До сих пор я — профессор на кафедре, читаю спецкурсы, веду практику. И сейчас думаю, что смогу больше внимания уделять преподавательской работе. Хотя, повторяю, полностью ее не бросал, какие-то курсы читал и в НГУ, и в педуниверситете. Несколько раз был председателем ГАК в Сургутском университете. Есть у меня аспиранты и докторанты и в других городах Сибири, в частности, в Омске, в Абакане. Всё-таки, подводя некие итоги, 8 докторов наук, 27 кандидатов защитились под моим руководством. Я думаю, мы этот список еще увеличим. Так что пытался я не бросать педагогическую работу, тем более, что по должности курировал взаимодействие Сибирского отделения с вузами, и мне это тоже было небезразлично. Но, повторяю, время сейчас появится, и я намерен с большим вниманием отнестись к работе на гуманитарном факультете НГУ. Тем более, что ребята подрастают очень хорошие. Сейчас у меня в отряде работают трое студентов с гумфака—две девочки и юноша. Во-первых, могу отметить очень хорошую подготовку. Пожалуй, сказывается введение углубленной специализации на отделении археологии. И, что особенно мне приятно, они любят поле. А кто не любит поле, тот... Бывают, конечно, разные случаи, но это какие-то особые археологи.

В будущее - с оптимизмом

— **А каков нынешний круг ваших интересов и первоочередных планов, и в археологии, и в жизни?**

— Я считаю, у меня наступил сейчас новый жизненный этап. Можно сказать, завершен цикл исследований по скифской эпохе Алтая. Последнее, что надо будет сделать — доработать монографию по Олон-Курийнголу (раскопки 2006 года в Монгольском Алтае, наш совместный проект с Германским археологическим институтом и Академией наук МНР). На повестке дня и две книги по городищу Чича в Новосибирской области — в этом году сдаем одну коллективную монографию, и сейчас с Германом Парцингером начинаем писать обобщающую работу, которая выйдет в Германии. Конечно, работаю над материалами уникального могильника Сопка. В перспективе их публикация и исследование должны занять четыре тома: два мы уже выпустили, над двумя ведется работа. Вот такие творческие планы.

Что касается полевых исследований, к сожалению, пока по-прежнему остаются проблемы с работой на Юге Алтая. Поэтому я сейчас надеюсь полностью сконцентрироваться на Барабе. Интереснейшие материалы, уникальные комплексы сегодня дает могильник Тартас. Практически все культуры бронзового века, которые есть в Западной Сибири, здесь представлены. Сегодня мы по-новому подходим к решению многих задач. У нас накоплен десятилетний опыт работы с генетиками, и проблемы этногенеза

мы решаем и будем решать на принципиально новом уровне. Развиваются творческие контакты и с геофизиками, и с химиками, и с биологами. Такой мультидисциплинарный подход позволяет выйти на исторические реконструкции принципиально иного уровня, много выше и глубже, чем было до того.

Хотелось мне, конечно, принять участие в работах по Богучанской ГЭС. Я даже в этом году планировал туда поехать, но с финансированием очень затянули. На будущий год надеюсь. Есть там несколько пунктов петроглифов, на которых было бы очень интересно поработать.

Опять-таки, сейчас появится возможность (и появилась уже) значительно больше помогать Анатолию Пантелеевичу в качестве заместителя директора, потому что, конечно, работая в Президиуме, что греха таить, недорабатывал в институте. Нужно было делать больше, но совершенно не хватало времени. Рабочий день в Президиуме, как правило, был десяти-двенадцатичасовым, раньше восьми вечера я очень редко приходил домой. Сейчас всё по-другому, чему я рад, потому что все силы, знания и опыт будут сконцентрированы на любимом деле.

Ну и, конечно, очень мало внимания в последние годы уделял семье, а это неправильно. У меня два прекрасных сына, у старшего уже двое детей — внук и внучка у меня есть. Сейчас, я надеюсь, будет возможность проводить с семьей больше времени, куда-то вместе съездить, вместе отдохнуть. Это тоже очень важно. Так что вперед я смотрю с оптимизмом. Если Бог даст здоровья, всё будет сделано.

— С юбилеем, Вячеслав Иванович! И пусть Госпожа удача будет благосклонна к Вам по-прежнему!

Беседовал Юрий Плотников, «НВС»

Фото В. Новикова

Источник:

Плотников Ю. Власть над удачей// [Наука в Сибири](#). – 2008. – N 37-38. – С.6.